DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-164-186

В.Е.Беленков

ДОЛГОСРОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ СИЛЫ РЕПРЕССИЙ В ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-СРЕДЕ НА ЧИСЛЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ ПОСТВЫБОРНЫХ ПРОТЕСТОВ

Кросс-страновое эмпирическое исследование[1]

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00274 (https://rscf.ru/project/20-18-), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Вадим Евгеньевич Беленков — преподаватель и младший научный сотрудник департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Для связи с автором: vadim.belenkov@gmail.com.

Аннотация. Хотя взаимосвязь между мерами государственного принуждения и протестами давно изучается в политической науке, в современных исследованиях влияния репрессий на уличную протестную активность существует ряд лакун. Серьезным изъяном этих исследований является акцент на способности репрессий влиять на уже развернувшиеся протестные кампании при слабом внимании к их отдаленным эффектам. Недостаточно изучено влияние репрессий на масштабность протеста и численность протестующих, а также роль интернета как фактора, модерирующего воздействие государственных санкций на протесты. В статье предпринята попытка заполнить эти лакуны.

Рассмотрев теоретические аргументы в пользу трех возможных форм связи между силой репрессий и уличной протестной активностью — отрицательной, положительной и параболической (*n*-образной), — автор тестирует соответствующие гипотезы на кросс-страновой выборке случаев с однородным поводом к протесту — подозрениями в фальсификации результатов выборов. Для проверки гипотез использованы данные о максимальной силе репрессий против организаций гражданского общества, участников протестных акций и авторов антиправительственных сообщений в интернете в предшествовавшие выборам годы, а также данные о протестных акциях в первую неделю после выборов.

Проведенное исследование подтвердило способность репрессий воздействовать на будущую протестную активность. При этом связь между силой репрессий и численностью участников протестов в долгосрочной перспективе имеет квадратичную *n*-образную форму: при низкой и высокой

силе репрессий численность протестующих минимальна, при средней — максимальна. Что касается воздействия интернета, то на данных о репрессиях в офлайн-среде оно не было обнаружено, но было выявлено на данных о силе санкций за политическую активность в сети: если доля пользователей интернета в стране низка, репрессии снижают численность участников протестов, если высока, то максимальная численность протестующих достигается при репрессиях средней силы.

Ключевые слова: репрессии, уличный протест, интернет, численность протестующих, долгосрочный эффект, событие-триггер

Введение

Репрессии применяются властями стран с разнообразными политическими режимами для подавления, регулирования и сдерживания нежелательной для них политической активности, к которой относятся в том числе уличные протесты. Хотя взаимосвязь между мерами государственного принуждения и протестами давно изучается в политической науке[2], внимание исследователей концентрируется скорее на способности репрессий влиять на уже развернувшиеся протестные кампании[3], нежели на использовании государственных санкций для предотвращения протестов в относительно отдаленном будущем.

Акцент на влиянии репрессий на протестные кампании, для подавления которых они задействуются[4], чреват переоценкой их стимулирующего воздействия на численность протестующих, ведь именно в краткосрочной перспективе наиболее силен эмоциональный отклик на репрессии — гнев и возмущение[5]. Кроме того, именно тогда происходит описанный Тимуром Кураном «каскад разрушения фальсификации предпочтений» (люди перестают скрывать свое отрицательное отношение к руководству страны)[6]. В условиях применения репрессий вне связи с конкретными протестными акциями включение этих факторов менее вероятно. Соответственно, для более полного понимания последствий государственных санкций следует выяснить, как они отражаются на уличных протестах за пределами типичного для протестной кампании срока[7], то есть в долгосрочной перспективе.

Различие между изучением краткосрочного и долгосрочного влияния репрессий определяется тем интервалом времени после их применения, в течение которого измеряется протестная активность. Если исследователя интересует факт подавления/развития уже возникшей в момент использования санкций протестной кампании[8], речь идет о краткосрочном воздействии; если исследуется рост/сокращение в будущем вероятности возникновения новых протестных акций и числа их участников, — о долгосрочном, то есть тестируется превентивная функция репрессий.

Выявление долгосрочного влияния репрессий необходимо для понимания того, как решение властей об их применении, выбор их форм и силы влияют на возникновение в будущем угроз для политического

[2] *Gurr 1971.*

[3] *Carey 2006; Ayanian and Tausch 2016; Bell and Murdie 2018.*

[4] *Carey 2006; Ayanian and Tausch 2016.*

[5] *Ayanian and Tausch 2016.*

[6] *Kuran 1995.*

[7] *По оценке на основе базы данных NAVCO 1.2, в случае ненасильственных кампаний их медианная длительность составляет 354,5 дня (см. Chenoweth and Stephan 2011).*

[8] *Ахременко, Беленков и Петров 2021.*

выживания и устойчивости властных элит. Это в свою очередь помогает приблизиться к осознанию условий устойчивости политических режимов, а именно способности репрессий снижать или повышать риски возникновения внеинституциональных вызовов снизу. Если в предыдущих исследованиях изучались режимные трансформации[9], то в фокусе настоящей работы влияние репрессий на промежуточный фактор таких трансформаций — протестную активность.

[9] Svolik 2012; Escriba-Folch 2013; Tanneberg 2020.

Другой существенный изъян современных исследований взаимосвязи между репрессивными практиками и протестами — недостаточное внимание к влиянию санкций на масштабность протеста и численность протестующих. Хотя, как показывают Эрика Ченовет и Мария Стефан, именно численность обусловливает успех или неудачу протестной кампании[10], в научных трудах рассматривается прежде всего воздействие репрессий на готовность к участию в протестных акциях на уровне индивидов[11], на конфронтационность и насильственность таких акций[12], их интенсивность[13], количество[14] и вероятность возникновения[15]. Без прояснения вопроса о влиянии репрессий на численность протестующих мы едва ли сможем адекватно оценить перспективы появления внеинституциональных вызовов снизу, ставящих под удар устойчивость и выживание политических режимов.

[10] Chenoweth and Stephan 2011.

[11] Ayanian and Tausch 2016; Lawrence 2017; Aytaç, Schiumerini, and Stokes 2018.

[12] Carey 2006; Ives and Lewis 2020.

[13] Bell and Murdie 2018.

[14] Gupta, Singh, and Sprague 1993; Rasler 1996.

[15] Rudolfsen 2021.

В дополнительном изучении нуждается и развитие интернета как фактора эффективности репрессий. На сегодняшний день основной акцент в литературе делается на непосредственном влиянии интернета на протестную активность[16]. Между тем есть основания полагать, что, помимо всего прочего, интернет «модерирует» воздействие государственных санкций на протесты, то есть характер и масштабы этого воздействия зависят от уровня его проникновения. В одной из предыдущих своих работ я уже касался этой проблемы, но только применительно к репрессиям против организаций гражданского общества (ОГО)[17], не затрагивая иных типов репрессий. При тестировании гипотезы о модерационной роли интернета чрезвычайно полезной представляется численная модель Андрея Ахременко и Александра Петрова[18], демонстрирующая, что при характерных для интернета сетевых топологиях повышается устойчивость протеста к репрессиям высокой силы.

[16] Rujigrok 2017; Enikolopov, Makarin, and Petrova 2021.

[17] Belenkov 2021.

[18] Akhremenko, Belenkov, and Zheglov 2021.

Таким образом, научная проблема заключается в недостатке коллективного знания о способности репрессий влиять на вероятность возникновения протестов и численность их участников в долгосрочной перспективе, в том числе с учетом фактора интернета. Решение этой проблемы позволит приблизиться к пониманию того, как применение мер государственного принуждения влияет на долгосрочную динамику трансформаций политических режимов.

Один из авторов теории мобилизации ресурсов Чарльз Тилли выделял два типа репрессий: репрессии, направленные непосредственно против коллективного действия, и репрессии, нацеленные на сокращение мобилизационных возможностей групп[19]. Первый тип репрессий подразумевает наказание протестующих за участие в протестном

[19] Тилли 2019.

мероприятии (в том числе в ходе его проведения). Соответственно, в качестве объекта репрессий здесь выступают отдельные индивиды, на чью персональную мотивацию власти пытаются повлиять. Второй тип репрессий предполагает воздействие на лица и организации, способные мобилизовать потенциальных протестующих. Учитывая роль ОГО в формировании социального окружения своих участников, опыта коллективного действия[20] и селективных стимулов к участию[21], а также в полевой агитации в пользу протеста, при изучении государственных санкций второго типа нельзя обойти вниманием репрессии против этих организаций. То же самое относится к репрессиям против средств массовой коммуникации, в частности против пользователей социальных медиа, размещающих информацию о политике, ведь способность побуждать потенциальных протестующих к участию в мероприятии во многом зависит от возможности формировать их отношение к политике властей и координировать их действия[22]. Исходя из этих соображений, в настоящей статье я исследую связь государственных санкций с последующей протестной активностью с помощью индикаторов силы трех типов государственных санкций: против участников проходивших в прошлом, *до* рассматриваемого события-триггера протестных акций; против ОГО; против политически активных пользователей интернета.

[20] Putnam, Leonardi, and Nanetti 1993.

[21] Olson 1965.

[22] Little 2016.

Принципиальное отличие этой работы от более ранних попыток исследовать долгосрочное влияние репрессий[23] состоит в переходе от анализа кросс-страновых данных за все доступные годы к сравнению масштабов протестной активности в ситуациях с однородным поводом (триггером) к протесту, но с разной *предшествующей* силой государственных санкций[24]. В качестве триггера выбраны сомнения наблюдателей от международных организаций в честности выборов. Я оцениваю влияние репрессий, имевших место в период от вступления в должность действующего главы исполнительной власти до оспариваемых выборов, на численность протестующих в первую неделю после голосования.

[23] Belenkov 2021.

[24] Впервые триггерный подход (но с ростом цен в качестве триггера) был использован в Rudolfsen 2021.

Важно отметить, что в этой работе понятия «репрессии», «протест» и «уличный протест» не носят оценочного характера. Я не высказываю ни одобрения, ни осуждения действиям протестующих. Называя действия государств «репрессиями» или «репрессивными», я не оцениваю их с моральной или правовой точки зрения. Я концентрируюсь на изучении эмпирических взаимосвязей между мерами государственного принуждения и уличной протестной активностью как объективно существующими в политической действительности многих государств явлениями. При этом термины «репрессии», «государственные санкции», «санкции», «государственное насилие», «меры государственного принуждения», «наказание» используются мною как синонимы.

Гипотезы

Как уже говорилось, в статье исследуется влияние государственных санкций на вероятность возникновения и численность участников поствыборных протестов с помощью индикаторов силы трех типов ре-

прессий: против участников уличных акций, проходивших при том же руководителе страны *до* вызвавших подозрение выборов, против ОГО и против пользователей интернета. Первый тип репрессий предполагает наказание отдельных участников протестов; второй — воздействие на организации, способные мобилизовать индивидов на коллективные действия; третий — попытку предотвратить широкое распространение критики властей и призывов к участию в протестах.

Ниже представлены теоретические аргументы в пользу трех возможных вариантов связи между силой репрессий и численностью участников протестов, в том числе в контексте влияния на эту связь уровня проникновения интернета. По итогам обсуждения этих аргументов сформулированы соответствующие гипотезы.

Отрицательное влияние репрессий: теоретические аргументы. Предположение об отрицательном влиянии репрессий на протестную активность вытекает из теории сдерживания[25]. Опыт применения наказаний за участие в протестах, за оппозиционную деятельность ОГО и антиправительственные публикации в интернете должен формировать представление о репрессивности властей, заставляющее рядовых граждан, активистов ОГО и пользователей интернета оценивать риск подвергнуться санкциям как высокий, что побуждает к отказу от усилий по организации протеста и участия в нем.

[25] Шеллинг 2007.

В случае репрессий против ОГО на снижение протестной активности также работает несколько дополнительных факторов. Штрафы уменьшают объем ресурсов для мобилизации протестующих[26]; физическая изоляция активистов нарушает социальные связи внутри отдельных ОГО, ослабляя влияние социального окружения[27], и ограничивает их возможности призывать к участию в протестах. Полное насильственное разрушение автономных ОГО подразумевает сочетание этих эффектов.

[26] Тилли 2019.

[27] Klandermans 1984.

Отрицательное влияние на протест репрессий за онлайн-активность обусловлено тем, что интернет — важный канал быстрого распространения среди широкого круга лиц информации о политике властей, об интересах социальных групп и способах их защиты, о времени и месте протестов[28]. При сокращении числа пользователей, публикующих подобные материалы, сокращается и объем побуждающей к протесту информации.

[28] Ibidem; Little 2016; Enikolopov, Makarin, and Petrova 2020.

Наконец, об отрицательном влиянии репрессий на возникновение протеста говорит анализ численной модели протестной активности[29].

[29] Akhremenko, Belenkov, and Zheglov 2021.

Исходя из приведенных соображений, можно сформулировать следующую гипотезу.

Гипотеза 1. Чем выше максимальная сила репрессий[30] в период с начала правления высшего руководителя страны до выборов, вызвавших подозрение у международных наблюдателей, тем ниже вероятность возникновения протестных акций, а также максималь-

[30] Сила репрессий — уровень издержек, которые несут репрессируемые. Максимальная сила отражает характер репрессий, на которые готовы пойти власти в крайнем случае.

ное количество участников направленного против него и/или его политики уличного протестного мероприятия в столице страны в течение первой недели после данных выборов.

Вместе с тем результаты численного моделирования[31] позволяют выдвинуть гипотезу о влиянии уровня проникновения интернета на характер связи между силой репрессий и протестной активностью. Одним из важнейших следствий развития социальных медиа является усиление гомофилии сетевых связей, что повышает устойчивость протеста к репрессиям высокой силы, ослабляя их отрицательное влияние на него.

Гипотеза 1.1. Увеличение уровня проникновения интернета устраняет отрицательное воздействие репрессий на вероятность возникновения уличного протеста и количество его участников.

Положительное влияние репрессий: теоретические аргументы. В то же время существует немало аргументов в пользу того, что репрессии способствуют росту вероятности возникновения протестов и численности их участников. Так, применение государственных санкций свидетельствует о низком качестве политики властей[32] и подрывает их легитимность. Увеличивая долю недовольных властями граждан, репрессии увеличивают и число потенциальных протестующих[33]. Возможный положительный эффект наказаний за участие в протестных акциях обусловлен также повышением статуса репрессированных в референтных для них группах[34]. Кроме того, риск подвергнуться санкциям усиливает идентификацию активистов с протестным движением[35]. Имеются основания ожидать и положительного влияния на протестную активность репрессий против ОГО. Во-первых, государственные санкции создают угрозу для реализации интересов ОГО, что мотивирует их прибегать к протестам[36]. Во-вторых, опыт противостояния репрессиям может укреплять групповую идентичность их членов. Способно привести к росту протестной активности и государственное насилие в отношении пользователей интернета, поскольку затруднительно взять под контроль все каналы распространения побуждающей к протесту информации[37], а сами репрессии повышают недовольство властями и интерес к оппозиции[38].

Перечисленные аргументы говорят в пользу гипотезы, прямо противоположной сформулированной выше.

Гипотеза 2. Чем ниже максимальная сила репрессий в период с начала правления высшего руководителя страны до выборов, вызвавших подозрение у международных наблюдателей, тем ниже вероятность возникновения протестных акций, а также максимальное количество участников направленного против него и/или его политики уличного протестного мероприятия в столице страны в течение первой недели после данных выборов.

[31] *Akhremenko, Belenkov, and Zheglov 2021.*

[32] *Lohmann 1994.*

[33] *Bautista et al. 2023.*

[34] *Opp and Roehl 1990.*

[35] *Ayanian and Tausch 2016.*

[36] *Тилли 2019.*

[37] *McMillan and Zoido 2004.*

[38] *Pan and Siegel 2020.*

Аргументы в пользу квадратичной связи n-образной формы. Противоречие между гипотезами 1 и 2 может быть устранено при отказе от представления о линейной связи между репрессиями и протестной активностью. В ряде исследований между ними была обнаружена квадратичная связь *n*-образной формы: при низкой силе репрессий дальнейшее их усиление повышает протестную активность, при высокой — снижает[39]. Такая форма связи означает, что при слабых репрессиях их положительное влияние на протестную активность с высокой вероятностью перевесит отрицательное, при сильных — наоборот. Когда государство в ответ на протестные акции прибегает к летальным методам подавления, работающие в иных ситуациях аргументы о повышении статуса репрессированного неактуальны[40]. Насильственное разрушение ОГО не позволяет им мобилизовывать протестующих, а их членам сохранять идентичность. Наконец, жесткие наказания за распространение способствующих протестам сообщений ограничивают круг их потенциальных авторов радикальными противниками властей, что сокращает и круг их читателей.

[39] См., напр. Muller 1985.

[40] Opp and Roehl 1990.

Гипотеза 3. Связь между максимальной силой репрессий в период с начала правления высшего руководителя страны до выборов, вызвавших подозрение у международных наблюдателей, и вероятностью возникновения протестных акций, а также максимальным количеством участников направленного против него и/или его политики уличного протестного мероприятия в столице страны в течение первой недели после данных выборов имеет квадратичную *n*-образную форму.

Отбор случаев

При отборе случаев я использовал данные о выборах из National Elections Across Democracy and Autocracy 5.0 (NELDA 5.0)[41]. Для признания событием-триггером выборы должны были отвечать трем условиям. Во-первых, их результаты должны были вызвать подозрения у международных наблюдателей (значение «да» переменной «nelda 47»). Во-вторых, победу на них должен был одержать действующий глава исполнительной власти или поддерживаемый им кандидат/партия (значения «нет» или «N/A» переменной «nelda 24»). В-третьих, они должны были состояться не раньше 1990 г., поскольку базы Mass Mobilization Project Database 5.0 (MMPD 5.0)[42] и Mass Mobilization in Autocracies Database 3.0 (MMAD 3.0)[43], где представлена наиболее полная информация о происходивших в мире протестах, охватывают события с 1990 и с 2003 г. соответственно. Если в стране одновременно проходило несколько голосований, одни рассматривались в качестве единого события.

[41] Hyde and Marinov 2012.

[42] Clark and Regan 2016.

[43] Keremoğlu, Hellmeier, and Weidmann 2020.

В итоге в выборку вошли 167 случаев голосования с 1990 по 2015 г. (ввиду дефицита информации по контрольным переменным в дальнейшем их число сократилось до 142). Выборка охватывает 55 стран из всех регионов мира, кроме Западной Европы, Северной Америки, Ав-

стралии и Океании. У международных наблюдателей не было сомнений в честности проводившихся там выборов. Это может объясняться как действительно демократическим характером большинства расположенных в этих регионах государств, так и ориентацией составителей NELDA 5.0 на отчеты миссий наблюдателей от международных организаций с высоким влиянием стран Запада. Наибольшее количество случаев подозрительных выборов приходится на Азербайджан (13), Казахстан (10), Таджикистан (9), Беларусь (9) и Кыргызстан (9), то есть на постсоветские страны, осуществлявшие в период с начала 1990-х годов транзит от однопартийной системы, а также занимавшиеся выстраиванием своей государственности[44].

[44] Значения переменных для всех исследуемых случаев приведены в онлайн-приложении 3 (https://drive.google.com/drive/folders/1zacYIaqfT831LUb-x__AnrSgy1_hUMac?usp=sharing).

При изучении долгосрочного влияния репрессий на протестную активность у подхода, основанного на выделении однородных поводов к протесту, есть два преимущества. Во-первых, наличие события-триггера по определению означает более высокий шанс на возникновение протеста. Во-вторых, использование единого события-триггера при отборе случаев позволяет проконтролировать влияние повода к протесту на зависимые переменные, ведь от наличия такого повода и его характера могут зависеть и вероятность возникновения протеста, и численность протестующих. При измерении параметров протестной активности во всех странах во все периоды времени подобный контроль невозможен, поскольку включить в регрессионную модель влияния репрессий на протесты все разнообразие поводов к нему заведомо нереально. Между тем отказ от учета соответствующих контрольных переменных чреват смещением оценок коэффициентов. По этой причине лучше изучать протесты, вызванные одним типом повода (события-триггера).

Использование нечестных выборов в качестве события-триггера при отборе случаев имеет несколько достоинств. Первое из них — временна́я определенность. Выборы проводятся в четко установленную дату (даты), что позволяет корректно обозначить промежутки времени для фиксации наличия протестов против результатов голосования и измерения численности их участников. При других событиях-триггерах (например, таком, как рост цен на продукты питания[45]) не всегда удается определить дату возникновения повода к протесту и, соответственно, обоснованно очертить равные для всех наблюдений временны́е рамки анализа.

[45] См. Rudolfsen 2021.

Второе достоинство заключается в том, что в большинстве случаев выборы предполагают предшествующую историю правления главы исполнительной власти. Наличие истории позволяет говорить о влиянии репрессий до события-триггера на протесты после него. Далеко не все поводы открывают такую возможность. Например, государственный переворот означает приход к власти нового руководства страны. Репрессии, совершавшиеся предыдущим руководством, могут оказаться нерелевантными для исследования, так как они могли быть направлены против политических сил, которые затем поддержали переворот.

Третье достоинство данного типа триггера состоит в его политическом и антиправительственном характере. В ходе выборов решаются вопросы о распределении власти, о ее легитимности и законности. Для оппозиционных групп выборы и подозрения в их нечестности открывают шанс на приобретение власти. Согласно теории структуры политических возможностей[46], наличие возможности побуждает к активному коллективному действию, что повышает вероятность возникновения протеста. Для правящих кругов поствыборные протесты несут с собой серьезную угрозу, для предупреждения которой могут быть задействованы репрессии. Исследования причин применения государственных санкций показывают, что в случае выдвижения протестующими радикальных требований (в том числе о смене власти) вероятность репрессий возрастает[47]. Следовательно, потенциальным протестующим важно оценить максимально возможную силу государственного принуждения, что они могут сделать, опираясь на опыт его использования в прошлом.

[46] *Тилли 2019.*

[47] *Ayoub 2010.*

Переменные и источники данных

Зависимая переменная. В качестве зависимой переменной (*«psize1»*) в настоящей работе выступает максимальная численность участников уличного протестного мероприятия с требованиями пересмотра результатов выборов и/или отставки высшего руководителя страны в первую неделю после выборов (определена для каждого наблюдения по базам MMPD 5.0[48] и MMAD 3.0[49]). Данные о численности представлены в трех дополнительных формах: 1) переменная «*campaign*», принимающая значение 1, если $psize1 > 0$, и 0, если $psize1 = 0$; 2) порядковая переменная «*osize*», значения которой определяются как целая часть от $\log_{10}(psize1 + 1)$; 3) переменная «*large_protest*», принимающая значение 1, если $psize1 \geq 1000$, и 0, если $psize1 < 1000$. «*Campaign*» отражает факт возникновения любых протестов; «*osize*» — это порядковый индикатор максимальной численности протестующих; «*large_protest*» — индикатор протестов с не менее чем 1000 участников.

[48] *Clark and Regan 2016.*

[49] *Keremoğlu, Hellmeier, and Weidmann 2020.*

При проведении исследования я опирался на подход составителей базы MMPD 5.0, операционализирующих уличный протест как направленное против государства или его политического курса собрание 50 и более человек с целью выразить требования к руководству страны[50]. Однако, поскольку порог в 50 человек слишком сильно сокращает количество доступных для анализа протестных событий, наряду с MMPD 5.0 я использовал базу MMAD 3.0, где вместо протеста операционализировано событие массовой мобилизации, которое определяется как публичное собрание 25 и более человек с выраженной политической мотивацией поддержать или выступить против властей разных уровней или неправительственных организаций[51]. С помощью переменной «Side» в базе MMAD 3.0 были отобраны собрания людей с мотивацией выступить против властей, содержательно соответствующие понятию «протест» в базе MMPD 5.0.

[50] *Clark and Regan 2016.*

[51] *Keremoğlu, Hellmeier, and Weidmann 2020.*

В базе MMPD 5.0 для каждого случая подозрительных выборов были идентифицированы протестные события, произошедшие в столице в первые семь дней после голосования. Место протеста определялось посредством переменной «Location». Если требования протестующих, выявленные на основе разделов «notes» и источников из раздела «sources», не включали в себя отставку руководителей государства, отмену или пересмотр результатов выборов, акция исключалась из дальнейшего рассмотрения. Затем для каждой оставшейся протестной акции с помощью переменной «Participants» определялась максимальная численность участников. Если значения переменной «Participants» были представлены в текстовой форме, использовался алгоритм, описанный в онлайн-приложении 4[52]. Работа с базой MMPD 5.0 для конкретного наблюдения завершалась определением события с максимальной численностью протестующих. При отсутствии протестных событий, отвечающих установленным параметрам, максимальная численность протестующих считалась равной нулю.

[52] https://drive.google.com/drive/folders/1362Zn9eGTSgdy4yvwArmwIckZS13RNPh?usp=share_link. См. также Belenkov 2021.

Сходным образом осуществлялась работа с базой MMAD 3.0. После отбора мероприятий, для которых значение переменной «Side» соответствовало антиправительственным протестам, для каждого случая подозрительных выборов были идентифицированы протестные события, произошедшие в столице в первые семь дней после голосования. Место протеста определялось посредством переменной «Location». Если требования протестующих, выявленные с помощью переменных «Actors» и «Issues», не включали в себя отставку руководителей государства, отмену или пересмотр результатов выборов, акция исключалась из дальнейшего рассмотрения. Затем для каждой оставшейся протестной акции на основе переменной «Mean_avg_numparticipants» определялась численность участников. Работа с базой MMAD 3.0 для конкретного наблюдения завершалась определением события с максимальной численностью протестующих. При отсутствии протестных событий, отвечающих установленным параметрам, максимальная численность протестующих считалась равной нулю.

Значение переменной «*psize1*» для каждого наблюдения было определено как наибольшее из значений максимальной численности протестующих для данного наблюдения в базах MMPD 5.0 и MMAD 3.0. Если протестных событий не было ни в одной из баз, *psize1* присваивалось значение 0.

Независимые переменные. Использованные в исследовании независимые переменные отражают максимальную силу репрессий разных типов с момента прихода к власти действующего главы исполнительной власти до рассматриваемых выборов. Данные о силе государственных санкций почерпнуты из базы V-Dem 11.1[53]. Отражающие эту силу переменные — результат обработки создателями V-Dem 11.1 экспертных оценок силы репрессий с помощью байесовских моделей латентных переменных. Сила государственных санкций против ОГО

[53] Coppedge et al. 2021.

операционализирована посредством интервальной версии переменной «CSO repression». При создании этой переменной эксперты V-Dem оценивали максимальный уровень репрессий в конкретном году в конкретной стране: возможные категории варьировали от отсутствия репрессий против ОГО до полной ликвидации таких организаций и преследования всех реальных и воображаемых их участников (со штрафами, задержаниями, краткосрочными арестами, лишением свободы и физическим насилием против лидеров и активистов как промежуточными вариантами)[54]. Сила наказания протестующих определялась с помощью переменной «Freedom of peaceful assembly», строящейся на оценке экспертами V-Dem характерного для конкретной страны в конкретном году уровня ограничений свободы собраний: возможные категории варьировали от полной свободы и защиты мирных собраний государством до полного запрета на их проведение и применения летальных методов для их разгона (с частичными ограничениями и нелетальными методами разгона как промежуточными вариантами)[55]. Сила репрессий за антиправительственные публикации в интернете устанавливалась по переменной «Arrests for political content», базирующейся на экспертных оценках степени вероятности ареста человека, опубликовавшего в сети антиправительственный материал[56].

[54] *Coppedge et al. 2021: 193.*

[55] *Ibid.: 225.*

[56] *Ibid.: 329.*

Перед расчетом максимальной силы репрессий за время правления каждого конкретного главы исполнительной власти эти переменные умножались на -1, так как в базе V-Dem более высокие значения соответствуют меньшей силе государственных санкций.

Непосредственно в качестве независимых переменных в исследовании выступают максимальные уровни силы репрессий против (1) ОГО (*«cso_rep_max»*), (2) протестующих (*«assembly_rep_max»*) и (3) авторов публикаций в интернете (*«internet_rep_max»*). Выбор максимума объяснялся стремлением учесть последствия примененных мер государственного принуждения. Например, автономные ОГО могли быть полностью уничтожены за много лет до выборов, но последствия этих действий в виде отсутствия организаций могли сохраниться. Концентрация на периоде правления действующего на момент выборов главы исполнительной власти связана с тем, что смена руководства страны означает смену носителя репутации репрессивности и, в некоторых случаях, смену набора автономных от государства организаций. Поскольку данные о силе репрессий в базе V-Dem представлены в формате «страна — календарный год», максимальный уровень силы для каждого типа государственных санкций оценивался за период с первого полного года правления действующего главы исполнительной власти по год, предшествовавший году рассматриваемых выборов, включительно.

Информация о конкретных руководителях страны и времени их прихода к власти почерпнута из базы данных REIGN[57].

[57] *Bell 2016.*

Контрольные переменные. Среди включенных в регрессионные модели контрольных переменных особого внимания заслуживает уро-

вень проникновения интернета (доля пользователей интернета в населении страны, *IUS*). Необходимость использования этой *вмешивающейся* переменной обусловлена двумя причинами: во-первых, эффект репрессий за онлайн-активность корректно изучать для стран с высоким уровнем проникновения интернета; во-вторых, как отмечалось выше, интернет может модерировать влияние репрессий на численность протестующих[58]. В качестве источника информации о проникновении интернета выступала переменная «Individuals using the Internet (% of population)» из базы данных Всемирного Банка[59]. В регрессии включены значения этой переменной в год выборов.

Подробное описание иных задействованных мною контрольных переменных дано в онлайн-приложении 1[60].

[58] Akhremenko, Belenkov, and Zheglov 2021.

[59] https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS.

[60] https://drive.google.com/file/d/1LFEdwhcgf_xXlN7XL7TMip37aijgTvuG/view?usp=sharing.

Методы и результаты анализа данных

Сформулированные выше гипотезы проверялись с помощью трех типов регрессионных моделей: 1) логистической регрессии вероятности возникновения любого уличного протеста (бинарная переменная) в зависимости от силы репрессий; 2) логистической регрессии вероятности возникновения протеста с не менее чем тысячей участников (бинарная переменная) в зависимости от силы репрессий; 3) порядковой логистической регрессии порядковой численности протестующих[61] в зависимости от силы репрессий. Все модели включали квадрат силы государственных санкций (что позволило проверить гипотезу о квадратичном характере связи между силой репрессий и протестной активностью), а также набор контрольных переменных. Оценки коэффициентов в моделях получены с помощью метода максимального правдоподобия.

[61] Порядковая численность рассчитывается как целая часть логарифма численности по основанию 10 плюс 1.

При анализе данных я преследовал цель выяснить, как *сила репрессий в целом* связана с уличной протестной активностью. Для решения этой задачи я использовал набор регрессионных моделей, в каждую из которых была включена сила только *одного из типов репрессий*. Ввиду высокой положительной корреляции между индикаторами силы разных типов государственных санкций (см. *табл. 1*) каждый из них может отражать общую силу репрессий в государстве, без привязки к конкретному типу (при условии, что другие типы не включены в модель).

Таблица 1 **Корреляционная матрица силы репрессий против ОГО («cso_rep_max»), силы репрессий против участников протестных акций («assembly_rep_max») и силы репрессий против пользователей интернета («internet_rep_max»)**

	cso_rep_max	*assembly_rep_max*	*internet_rep_max*
cso_rep_max	1	0,75	0,71
internet_rep_max	0,75	1	0,67
assembly_rep_max	0,71	0,67	1

Гипотеза 1.1 была проверена посредством включения в модели связи силы репрессий и параметров протестной активности переменных, отражающих взаимодействие между силой репрессий и уровнем проникновения интернета. Модели строились отдельно для каждого типа государственных санкций. Использование переменных взаимодействия позволило выявить наличие и направленность связи между силой репрессий и протестной активностью при низком (10%) и высоком (50%) уровнях проникновения интернета[62].

Итоговые выводы о характере связи между силой репрессий и протестной активностью. Поскольку результаты регрессионного анализа занимают большой объем, они вынесены в онлайн-приложение 2[63]. Результаты обобщены в виде таблиц эффектов, в которых по строкам указаны зависимые переменные, по столбцам — независимые. В ячейках обозначена обнаруженная направленность влияния репрессий: + (положительная, значима на уровне 0,05); - (отрицательная, значима на уровне 0,05); +,- (квадратичная n-образной формы, оценка коэффициента при квадрате силы репрессий отрицательна и значима на уровне 0,05); -,+ (квадратичная u-образной формы, оценка коэффициента при квадрате силы репрессий положительна и значима на уровне 0,05); 0 (нет связи, оценки коэффициентов статистически неотличимы от нуля). Если обозначение заключено в скобки, речь идет о статистической значимости оценки коэффициента на уровне 0,1. Код на языке программирования R, посредством которого осуществлялся регрессионный анализ, представлен в онлайн-приложении 3[64].

В *табл. 2* приведены обобщенные результаты моделей связи силы репрессий с параметрами протестной активности. Наряду с результатами оценивания моделей без переменных взаимодействия для офлайн-репрессий в ней также приведен результат оценивания модели с переменной взаимодействия силы онлайн-репрессий и уровня проникновения интернета (точнее, показана направленность связи при уровне проникновения интернета 50%). Столбец, демонстрирующий характер связи при высоком проникновении интернета, введен потому, что ввиду низкого среднего уровня проникновения интернета (8,67 %) в анализируемых странах оценка эффекта онлайн-репрессий не показательна для массива в целом.

Как видно из *табл. 2* (и онлайн-приложения 2), связь между силой репрессий и параметрами протестной активности в большинстве рассмотренных моделей имеет n-образную форму. Оценки квадратичных членов отрицательны и значимы на уровне 0,05 во всех моделях, касающихся силы государственных санкций против ОГО и пользователей интернета (при высоком уровне его проникновения). Сила репрессий против участников протестов имеет n-образную форму связи с вероятностью возникновения протеста в будущем и порядковой максимальной численностью протестующих на уровне значимости 0,05, а также с вероятностью возникновения крупного протеста на неконвенцио-

[62] В собранном массиве данных 50% — это высокий уровень проникновения интернета, поскольку 95 персентиль распределения проникновения интернета равен 46,091.

[63] https://drive.google.com/drive/folders/1FD0PtMgrH6eQjMHzNfDmsir1h4_VzG5A?usp=share_link.

[64] https://drive.google.com/drive/folders/1zacYIaqfT831LUb-x__AnrSgy1_hUMac?usp=sharing.

Таблица 2 **Итоговая таблица форм связи между силой репрессий и параметрами поствыборной протестной активности**

	cso_rep_max	*assembly_rep_max*	*internet_rep_max*	*internet_rep_max (IUS=50)*
campaign (возникновение протеста)	+,-	+,-	-	+,-
osize (порядковая численность протестующих)	+,-	+,-	-	+,-
large_protest (возникновение крупного протеста)	+,-	(+,-)	0	+,-

нальном уровне значимости 0,1. Модели, описывающие связь репрессий против пользователей интернета с протестной активностью и не содержащие переменных взаимодействия, показывают либо отрицательную связь, либо ее отсутствие. Но такие результаты отражают преимущественно слабо релевантные для влияния онлайн-репрессий контексты с низким уровнем проникновения интернета (как уже говорилось, средний уровень проникновения интернета по массиву — 8,67 %). В совокупности результаты позволяют говорить о подтверждении гипотезы 3 (о связи n-образной формы). Относительно низкий уровень значимости связи силы репрессий против участников протестов до события-триггера с возникновением крупных протестов, вероятно, объясняется небольшим количеством акций, где численность протестовавших составляла не менее тысячи человек (25, или 15%, случаев).

Максимальные значения параметров протестной активности фиксируются в ситуациях, когда репрессии достаточно масштабны, чтобы вызвать рост недовольства, но недостаточно сильны, чтобы сдержать ОГО и потенциальных протестующих или устранить физическую возможность организации протеста. Например, в случае государственных санкций против ОГО наибольшую вероятность возникновения протестов порождает использование финансовых наказаний. Расчет значений силы репрессий, при которых достигались максимальные значения параметров протестной активности, проводился по формуле:

$$x = -b/(2*a),$$

где x — искомое значение, a — оценка коэффициента при квадратичном члене в регрессионной модели, b — оценка коэффициента при члене первой степени. Соответствие между значением независимой

переменной и содержательной кодировкой в V-Dem определялось с помощью «Variable graph tool» проекта V-Dem (перед определением соответствия x умножался на -1)[65].

[65] *https://www.v-dem.net/data_analysis/VariableGraph/.*

Рисунок 1 **Прогнозная вероятность возникновения после выборов а) протестной кампании, б) протестной кампании с не менее чем тысячей участников в зависимости от силы репрессий против ОГО при средних значениях других переменных**

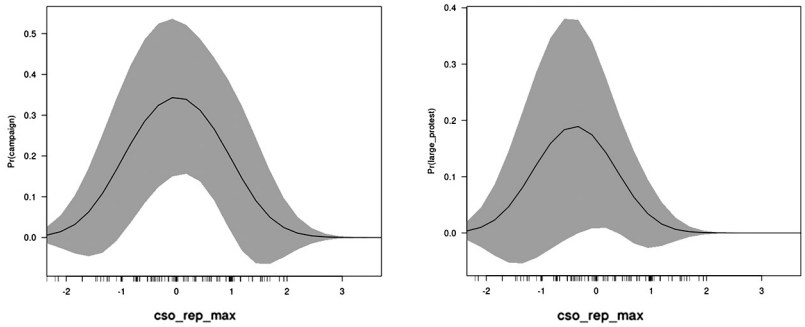
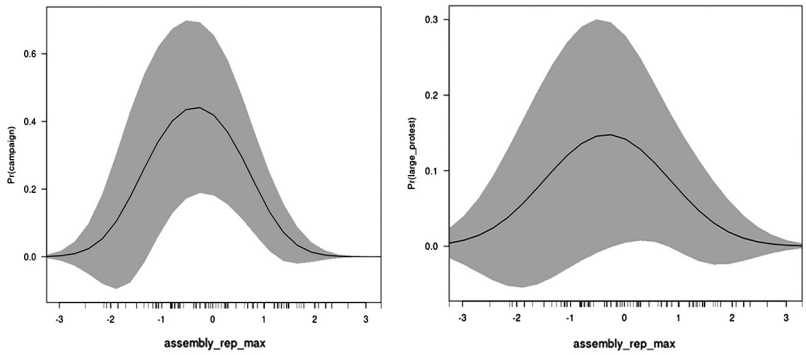


Рисунок 2 **Прогнозная вероятность возникновения после выборов а) протестной кампании; б) протестной кампании с не менее чем тысячей участников в зависимости от силы репрессий против участников протестных акций в прошлом при средних значениях других переменных**



Никаких изменений в функциональной форме связи между силой офлайн-репрессий и численностью протестующих в зависимости от уровня проникновения интернета обнаружено не было (см. *табл. 3*). И при низком, и при высоком уровне проникновения интернета она имеет квадратичную n-образную форму.

Таблица 3 Направленность долгосрочного влияния репрессий на уличную протестную активность по результатам оценки параметров моделей с переменными взаимодействия

	cso_rep_max		*assembly_rep_max*		*internet_rep_max*	
	IUS=10	*IUS=50*	*IUS=10*	*IUS=50*	*IUS=10*	*IUS=50*
campaign	+,-	+,-	+,-	+,-	-	+,-
osize	+,-	+,-	+,-	+,-	-	+,-
large_protest	(+,-)	(+,-)	0	0	0	+,-

Но проникновение интернета существенно влияет на эффект репрессий за сетевую активность. При высоком уровне его проникновения связь интернет-репрессий с численностью протестующих также имеет *n*-образную форму. Максимальная численность достигается при уровне 3 («Unlikely») переменной «Arrests for political content» из V-Dem 11.1. Вместе с тем при низком уровне проникновения интернета их эффект оказывается отрицательным. Возникновение положительного эффекта при низкой силе репрессий и высокой доле пользователей интернета косвенно подтверждает значение гомофилийных сетевых структур, обусловленных развитием интернета[66]. Кроме того, регрессионный анализ показывает, что проникновение интернета положительно связано с вероятностью возникновения крупного протеста (см. онлайн-приложение 2[67]). При всем том мы не можем говорить о подтверждении гипотезы 1.1, так как не подтверждена гипотеза 1.

[66] Akhremenko, Belenkov, and Zheglov 2021.

[67] https://drive.google.com/drive/folders/1FD0PtMgrH6eQjMHzNfDmsir1h4_VzG5A?usp=share_link.

Заключение

Результаты регрессионного анализа позволяют сделать ряд содержательных выводов.

1. Репрессии способны воздействовать на протестную активность в долгосрочной перспективе. Их влияние распространяется на длительные промежутки времени, превышающие один год.

2. Преобладающая форма долгосрочного воздействия репрессий на уличную протестную активность носит *n*-образный характер. В долгосрочной перспективе, как и в краткосрочной, действуют механизмы и положительного, и отрицательного влияния государственных санкций на протестную активность. При этом, если меры государственного принуждения не слишком масштабны, положительные эффекты репрессий сильнее отрицательных.

3. Отталкиваясь от отрицательного влияния репрессий за онлайн-публикации на протестную активность при слабом проникновении интернета, можно предположить, какой механизм лежит в основе их положительного влияния. Речь идет о распространении информации о государственном насилии, повышающей недовольство властями. Если у большинства населения нет возможности узнать о репрессиях, их

эффект будет отрицательным. Если такая возможность есть, он будет иметь *n*-образную форму.

4. Репрессии влияют как на вероятность возникновения протеста, так и на численность его участников. Отсутствие устойчивых оценок эффекта государственных санкций применительно к крупным протестам, по-видимому, объясняется малым количеством соответствующих случаев в выборке.

5. Хотя не было найдено подтверждений модерации интернетом эффектов репрессий за офлайн-активность, степень его проникновения определяет тип связи между репрессиями за онлайн-активность и протестами. В случае высокого проникновения она тоже имеет *n*-образную форму. При низкой доле пользователей связь отрицательная. Это служит косвенным подтверждением того, что сетевая структура общества, характерная для эпохи широкого использования интернета, способствует проявлению положительных эффектов репрессий.

Научное значение проведенного исследования не ограничивается полученными в ходе него результатами и их интерпретацией. Возможно, более важен опыт применения подхода, основанного на поиске событий-триггеров, к изучению долгосрочного влияния государственных санкций. Его использование позволило приблизиться к пониманию их эффектов в отдаленной перспективе. Ставка на репрессии контрпродуктивна для властей, так как в конечном счете они приводят к повышению (пусть и нелинейному) ряда параметров протестной активности. Наконец, исследование обогатило научное знание об условиях, в которых фальсификация выборов может вызвать уличные протесты[68]. Их следует ожидать прежде всего в странах с репрессиями средней силы. Именно там наиболее высок риск возникновения крупных уличных протестов, способных угрожать устойчивости политического режима.

[68] *Tucker 2007.*

Но представленные результаты не окончательны. Во-первых, они получены на данных наблюдения. Специфика предмета исследования исключала возможность проведения экспериментов, способных прояснить причинно-следственные связи. Во-вторых, может оказаться, что выявленные закономерности работают только применительно к конкретному триггеру — подозрениям в фальсификациях на выборах. Поэтому было бы полезно провести аналогичное исследование, но с другим типом события-триггера.

Библиография

Ахременко А.С., В.Е.Беленков и А.П.Петров. (2021) «Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно)» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 147—165. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2021/3/Polis-2021-3-Akhremenko.pdf (проверено 29.06.2023).

Тилли Ч. (2019) *От мобилизации к революции.* М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Шеллинг Т. (2007) *Стратегия конфликта*. М.: ИРИСЭН.

Akhremenko A., V.Belenkov, and S.Zheglov. (2021) «Impact of Digital and Traditional Social Networks on Protest Campaigns: Agent-Based Computational Experiments» // *2021 International Conference on Engineering Management of Communication and Technology (EMCTECH)*. Viena: IEEE: Ch. 1.

Ayanian A. and N.Tausch. (2016) «How Risk Perception Shapes Collective Action Intentions in Repressive Contexts: A Study of Egyptian Activists During the 2013 Post-Coup Uprising» // *British Journal of Social Psychology,* vol. 55, no. 4: 700—721.

Ayoub Ph. (2010) «Repressing Protest: Threat and Weakness in the European Context, 1975—1989» // *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 15, no. 4: 465—488.

Bautista M., F.Gonzalez, L.Martinez, P.Munos, and M.Prem. (2023) «The Geography of Repression and Opposition to Autocracy» // *American Journal of Political Science*: vol. 67, no. 1: 101—118.

Belenkov V. (2021) «Do Internet Penetration and Online Censorship Levels Affect Long-Term Repression Success in Street Protest Prevention?» // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6: 119—144.

Bell C. (2016) *The Rulers, Elections, and Irregular Governance Dataset (REIGN)*. Broomfield (CO): OEF Research. URL: https://www.oefresearch.org/sites/default/files/REIGN_descriptions.pdf (accessed on 29.06.2023).

Bell S. and A.Murdie. (2018) «The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework» // *Conflict Management and Peace Science,* vol. 35, no. 4: 336—354.

Carey S. (2006) «The Dynamic Relationship between Protest and Repression» // *Political Research Quarterly,* vol. 59, no. 1: 1—11.

Chenoweth E. and M.Stephan. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Clark D. and P.Regan. (2016) *Mass Mobilization Protest Data*. Version 5.0. URL: https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/HTTWYL&version=5.0 (accessed on 13.07.2023).

Coppedge M., J.Gerring, C.Knutsen, S.Lindberg, J.Teorell, D.Altman, M.Bernhard, A.Cornell, S.Fish, L.Gastaldi, H.Gjerløw, A.Glynn, A.Hicken, A.Lührmann, S.Maerz, K.Marquardt, K.McMann, V.Mechkova, P.Paxton, D.Pemstein, J. von Römer, B.Seim, R.Sigman, S.-E.Skaaning, J.Staton, A.Sundström, E.Tzelgov, L.Uberti, Y.Wang, T.Wig, and D.Ziblatt. (2021) *V-Dem Codebook v11.1. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. URL: https://rdrr.io/github/xmarquez/vdem/man/vdem_codebook.html (accessed on 13.07.2023).

Enikolopov R., A.Makarin, and M.Petrova. (2020) «Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia» // *Econometrica,* vol. 88, no. 4: 1479—1514.

Escribà-Folch A. (2013) «Repression, Political Threats, and Survival under Autocracy» // *International Political Science Review*, vol. 34, no. 5: 543— 560.

Gupta D.K., H.Singh, and T.Sprague. (1993) «Government Coercion of Dissidents: Deterrence or Provocation?» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 37, no. 2: 301—339.

Gurr T.R. (1971) *Why Men Rebel*. New York: Routledge.

Hyde S. and N.Marinov. (2012) «Which Elections Can Be Lost?» // *Political Analysis,* vol. 20, no. 2: 191—210.

Keremoğlu E., S.Hellmeier, and N.Weidmann. (2020) *Coding Instructions for the Mass Mobilization in Autocracies Database*. Version 3.0. URL: https://mmadatabase.org/about/documentation/ (accessed on 29.06.2022).

Klandermans B. (1984) «Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory» // *American Sociological Review,* vol. 49, no. 5: 583—600.

Kuran T. (1995) «The Inevitability of Future Revolutionary Surprises» // *American Journal of Sociology,* vol. 100, no. 6: 1528—1551.

Little A. (2016) «Communication Technology and Protest» // *The Journal of Politics,* vol. 78, no. 1: 152—166.

Lohmann S. (1994) «The Dynamics of Informational Cascades: The Monday Demonstrations in Leipzig, East Germany, 1989—91» // *World Politics,* vol. 47, no. 1: 42—101.

McMillan J. and P.Zoido. (2004) «How to Subvert Democracy: Montesinos in Peru» // *Journal of Economic Perspectives,* vol. 18, no. 4: 69—92.

Muller E. (1985) «Income Inequality, Regime Repressiveness, and Political Violence» // *American Sociological Review,* vol. 50, no. 1: 47—61.

Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Opp K. and W.Roehl. (1990) «Repression, Micromobilization, and Political Protest» // *Social Forces*, vol. 69, no. 2: 521—547.

Pan J. and A.Siegel. (2020) «How Saudi Crackdowns Fail to Silence Online Dissent» // *American Political Science Review,* vol. 114, no. 1: 109—125.

Putnam R., R.Leonardi, and R.Nanetti. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Rasler K.A. (1996) «Concessions, Repression, and Political Protest in the Iranian Revolution» // *American Sociological Review*, vol. 61, no. 1: 132—152.

Rudolfsen I. (2021) «Food Price Increase and Urban Unrest: The Role of Societal Organizations» // *Journal of Peace Research,* vol. 58, no. 2: 215—230.

Rujigrok K. (2017) «From the Web to the Streets: Internet and Protests under Authoritarian Regimes» // *Democratization,* vol. 24, no. 3: 498—520.

Svolik M.W. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tanneberg D. (2020) *The Politics of Repression under Authoritarian Rule: How Steadfast Is the Iron Throne?* Cham: Springer.

Tucker J. (2007) «Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions» // *Perspectives on Politics,* vol. 5, no. 3: 535—551.

V.E.Belenkov

LONG-TERM EFFECT OF ONLINE AND OFFLINE REPRESSIONS ON POST-ELECTORAL PROTEST PARTICIPANTS' NUMBER

Cross-National Empirical Study[69]

[69] This research study was implemented under the grant № 20-18-00274 (https://rscf.ru/project/20-18-) from the Russian Science Foundation, HSE University.

Vadim E. Belenkov — Lecturer, Junior Researcher at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: vadim.belenkov@gmail.com.

Abstract. Although the relationship between state coercive measures and protests has long been studied in Political Science, there are a number of gaps in the modern research studies about the impact of repressions on street protest activity. A serious flaw in these studies is their focus on the influence of repressions on the existing protest campaigns, with little attention to their long-term implications. The impact of repressions on the scale of protest and number of protesters, as well as the role of the Internet as a factor mediating the impact of state sanctions on protests, is understudied. The article attempts to bridge these gaps.

The author has first examined theoretical arguments in support of three possible forms of correlation between the severity of repressions and street protest activity — negative, positive, and parabolic (n-shaped), after which he tests relevant hypotheses on a sample of country cases that share the same trigger for protest — suspicions of electoral fraud. To test these hypotheses, the author utilized data on the maximum strength of repressions against civil society organizations, participants in protests and authors of anti-government messages on the Internet in the pre-electoral years, as well as data on protests in the first week following the elections.

The study confirmed the influence of repressions on future protest activity. At the same time, the relationship between the severity of repressions and

the number of protest participants in the long term has a quadratic n-shaped form: at low and high levels of repression, the number of protesters is minimal, at medium — it is maximal. As for the impact of the Internet, it was not detected on data on repression in the offline environment, but it was revealed on data on the strength of sanctions for political activity on the Web: if the share of Internet users in a country is low, repressions decrease the number of protest participants; if it is high, repressions of medium strength correspond to the maximum number of protesters.

Keywords: repressions, street protest, Internet, number of protesters, long-term effect, triggering event

References

Akhremenko A.S., V.E.Belenkov, and A.P.Petrov. (2021) "Logika protestnukh kampanij: ot empiricheskikh dannykh k dinamicheskim modeljam (i obratno)" [The Logic of Protest Campaigns: From Empirical Data to Dynamic Models (and Back)] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 147—165. URL: https://www.oefresearch.org/sites/default/files/REIGN_descriptions.pdf (accessed on 29.06.2023). (In Russ.)

Akhremenko A., V.Belenkov, and S.Zheglov. (2021) "Impact of Digital and Traditional Social Networks on Protest Campaigns: Agent-Based Computational Experiments" // *2021 International Conference on Engineering Management of Communication and Technology (EMCTECH)*. Viena: IEEE: Ch. 1.

Ayanian A. and N.Tausch. (2016) "How Risk Perception Shapes Collective Action Intentions in Repressive Contexts: A Study of Egyptian Activists During the 2013 Post-Coup Uprising" // *British Journal of Social Psychology,* vol. 55, no. 4: 700—721.

Ayoub Ph. (2010) "Repressing Protest: Threat and Weakness in the European Context, 1975—1989" // *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 15, no. 4: 465—488.

Bautista M., F.Gonzalez, L.Martinez, P.Munos, and M.Prem. (2023) "The Geography of Repression and Opposition to Autocracy" // *American Journal of Political Science*: vol. 67, no. 1: 101—118.

Belenkov V. (2021) "Do Internet Penetration and Online Censorship Levels Affect Long-Term Repression Success in Street Protest Prevention?" // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6: 119—144.

Bell C. (2016) *The Rulers, Elections, and Irregular Governance Dataset (REIGN)*. Broomfield (CO): OEF Research. URL: https://www.oefresearch.org/sites/default/files/REIGN_descriptions.pdf (accessed on 29.06.2023).

Bell S. and A.Murdie. (2018) "The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework" // *Conflict Management and Peace Science,* vol. 35, no. 4: 336—354.

Carey S. (2006) "The Dynamic Relationship between Protest and Repression" // *Political Research Quarterly,* vol. 59, no. 1: 1—11.

Chenoweth E. and M.Stephan. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Clark D. and P.Regan. (2016) *Mass Mobilization Protest Data*. Version 5.0. URL: https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/HTTWYL&version=5.0 (accessed on 13.07.2023).

Coppedge M., J.Gerring, C.Knutsen, S.Lindberg, J.Teorell, D.Altman, M.Bernhard, A.Cornell, S.Fish, L.Gastaldi, H.Gjerløw, A.Glynn, A.Hicken, A.Lührmann, S.Maerz, K.Marquardt, K.McMann, V.Mechkova, P.Paxton, D.Pemstein, J. von Römer, B.Seim, R.Sigman, S.-E.Skaaning, J.Staton, A.Sundtröm, E.Tzelgov, L.Uberti, Y.Wang, T.Wig, and D.Ziblatt. (2021) *V-Dem Codebook v11.1. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. URL: https://rdrr.io/github/xmarquez/vdem/man/vdem_codebook.html (accessed on 13.07.2023).

Enikolopov R., A.Makarin, and M.Petrova. (2020) "Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia" // *Econometrica,* vol. 88, no. 4: 1479—1514.

Escribà-Folch A. (2013) "Repression, Political Threats, and Survival under Autocracy" // *International Political Science Review*, vol. 34, no. 5: 543— 560.

Gupta D.K., H.Singh, and T.Sprague. (1993) "Government Coercion of Dissidents: Deterrence or Provocation?" // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 37, no. 2: 301—339.

Gurr T.R. (1971) *Why Men Rebel*. New York: Routledge.

Hyde S. and N.Marinov. (2012) "Which Elections Can Be Lost?" // *Political Analysis,* vol. 20, no. 2: 191—210.

Keremoğlu E., S.Hellmeier, and N.Weidmann. (2020) *Coding Instructions for the Mass Mobilization in Autocracies Database*. Version 3.0. URL: https://mmadatabase.org/about/documentation/ (accessed on 29.06.2022).

Klandermans B. (1984) "Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory" // *American Sociological Review,* vol. 49, no. 5: 583—600.

Kuran T. (1995) "The Inevitability of Future Revolutionary Surprises" // *American Journal of Sociology,* vol. 100, no. 6: 1528—1551.

Little A. (2016) "Communication Technology and Protest" // *The Journal of Politics,* vol. 78, no. 1: 152—166.

Lohmann S. (1994) "The Dynamics of Informational Cascades: The Monday Demonstrations in Leipzig, East Germany, 1989—91" // *World Politics,* vol. 47, no. 1: 42—101.

McMillan J. and P.Zoido. (2004) "How to Subvert Democracy: Montesinos in Peru" // *Journal of Economic Perspectives,* vol. 18, no. 4: 69—92.

Muller E. (1985) "Income Inequality, Regime Repressiveness, and Political Violence" // *American Sociological Review,* vol. 50, no. 1: 47—61.

Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Opp K. and W.Roehl. (1990) "Repression, Micromobilization, and Political Protest" // *Social Forces*, vol. 69, no. 2: 521—547.

Pan J. and A.Siegel. (2020) "How Saudi Crackdowns Fail to Silence Online Dissent" // *American Political Science Review,* vol. 114, no. 1: 109—125.

Putnam R., R.Leonardi, and R.Nanetti. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Rasler K.A. (1996) "Concessions, Repression, and Political Protest in the Iranian Revolution" // *American Sociological Review*, vol. 61, no. 1: 132—152.

Rudolfsen I. (2021) "Food Price Increase and Urban Unrest: The Role of Societal Organizations" // *Journal of Peace Research,* vol. 58, no. 2: 215—230.

Rujigrok K. (2017) "From the Web to the Streets: Internet and Protests under Authoritarian Regimes" // *Democratization,* vol. 24, no. 3: 498—520.

Schelling T. (2007) *Strategija konflikta* [The Strategy of Conflict]. Moscow: IRISEN. (In Russ.)

Svolik M.W. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tanneberg D. (2020) *The Politics of Repression under Authoritarian Rule: How Steadfast Is the Iron Throne?* Cham: Springer.

Tilly Ch. (2019) *Ot mobilizatsii k revolutsii* [From Mobilization to Revolution] Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej skoly ekonomiki. (In Russ.)

Tucker J. (2007) "Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions" // *Perspectives on Politics,* vol. 5, no. 3: 535—551.